

единственна, и она характеризуется двумя свойствами: универсально быть в потенции по отношению к любой форме и быть в некотором отношении к форме вследствие стремления приобрести ее, что именуется лишенностью. Первоматерия последовательно проходит через все определения формы. Как универсальная потенциальность она прежде всего определяется универсальной формой, которая есть универсальная форма субстанции. В свою очередь субстанция определяется серией оппозиций внутренних — от этой универсальной первоформы до индивидов. Первое из определений субстанции как таковой — это хорошо известная пара противоположности (*binarium famosissimum*), телесная или бестелесная. Материя сама по себе бестелесна, она становится телом только через форму телесно-

сти. Взятая в своей чистой потенциальности, материя есть то, что Платон называет «*hyle*», то есть «*silva*». Поэтому ее нельзя путать, как это иногда делают, с тем, что Моисей называет то «землей», то «водой» — терминами, которые предполагают, что материя уже определена формой субстанциальности, а именно — элементарными формами земли или воды. Платон — первый из греков, кто постиг понятие первоматерии именно в таком смысле; от Аристотеля оно ускользнуло. Из дефиниции Платона следует, что, хотя каждый ряд субстанций обладает своей собственной материей — например, небо и элементы, — есть общая первоматерия, которая как чистая потенциальность по отношению ко всякой форме является общей для всех составных сущих — небесных или земных тел, телесных или духовных субстанций. Автор «Суммы» допускает в этом смысле универсальный состав материи и формы (гилеморфизм). Форма, образующая субстанцию путем определения материи, называется субстанциальной формой. В силу того, что субстанция образована, она по праву полностью индивидуальна. Материю индивидуирует именно субстанциальная форма, образующая субстанцию: «*quia materia in actu poni non potest nisi per formam eam perficientem, ipsius individuationis actualitas a forma vere causatur*»*. Кстати, вот почему следует понимать введенное Бозцием различие между «*quod est*» и «*quo est*» в качестве различения, проведенного разумом, а не как реальное. Если творение рассматривать само по себе, то его «*quod est*» (то есть «то, что оно есть») полностью и достаточно определено его материей и формой. Его бытие, понимаемое таким образом, не отличается от того, что оно есть. Истинно, что творение имеет «*quo est*», то есть причину, вследствие которой оно есть, но эта причина — нетварное бытие, которое не может войти в состав чего-либо иного: «*Absurdum est autem creaturam, id est D E vel ABC, componi ex eo quod quodlibet eorum est, et ex suo quo est, id est esse increato, cum impossibile sit illud in*

377

3. От Гроссетеста до Пеккама: В. «Сумма философии» XIII в.

compositionem venire»*. Так что «Сумма» отвергает различие сущности и существования, понятое в этом смысле; она отвергает его и в том смысле, где «*quo est*» не есть более Бог, но сотворенный Богом акт существования, который был бы и актом сущности. Сущность, или «чтойность», — это «*quid est*»: если она есть «то, что она есть», она есть. Бытие, каковым она является, — это в точности то же самое бытие, благодаря которому она есть, понимаемая то как существование, то как существующее. Таким образом, здесь нет ни состава, ни различия (трактат V, гл. 6).

Чтобы отыскать источник форм, нужно подняться к идеям, которые, согласно Платону, существуют тремя способами: в божественной мысли, в интеллигенциях и в видах природных вещей. В этом пункте Аристотель возразил Платону и разрушил, насколько это было в его власти, платоновское отождествление вида и идеи, однако сами аргументы,